DOI: 10.53737/2713-2021.2026.70.13.006

Д.А. Кириченко, А.С. Абдуллаев, А.К. Кесеменли

О ТРАВМЕ ЧЕРЕПА В ЭПОХУ РАННЕГО ЭЛЛИНИЗМА (АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ РЕСПУБЛИКА)*

В статье рассмотрен мужской череп со следами травматических повреждений летального характера из Азербайджана. Антропологический материал происходит из погребения (№ 104) со слабо скорченным костяком, обнаруженным в квадрате 18 «а» во время спасательных археологических работ в 1946 г., в зоне строительства Мингечаурской ГЭС. Погребение датируется, в пределах IV—II вв. до н.э. Исследованный краниум принадлежал мужчине зрелого возраста (35—50 лет) — долихокранный. В настоящее время представлен в экспозиции «Музея анатомии человека» на кафедре «Анатомии человека и медицинской терминологии» Азербайджанского Медицинского Университета. На левой теменной кости черепа имеется костный дефект овальной формы (диаметр: 8 мм), края острые, который диагностируется, как проникающее ранение, дырчатый перелом. Общая зона поражения составляет 9 см. На правой височной кости отмечен дефект продолговатой овальной формы, 6 × 3 см, края острые. В данном случае мы имеем дело, предположительно, с проникающим ранением (дырчатый перелом). На затылочной кости имеется слегка уловимый вдавленный дефект (его хорошо видно лишь на рентгенограмме), который можно диагностировать, вероятно, как компрессионный перелом. Во всех трех случаях следы регенерации кости не выявлены. На рентгенограммах черепа, выполненных в переднезадней, латеральной и окципитальной проекциях, в левой верхне-передней париетальной области определяется костный дефект округлой формы диаметром 8—9 мм. Кпереди от дефекта располагается венечный шов; кзади от него выявляется трещина костной ткани протяжённостью до 7 см. Морфологические особенности дефекта позволяют предположить его образование в результате воздействия острого металлического предмета. В правой сквамозной и окципитальной областях также выявляются костные дефекты размерами 6 × 3 см и 2,5 × 1,5 см соответственно. От правого края большого затылочного отверстия кпереди распространяется трещина костной ткани. Вероятно, первый удар был нанесен в зону левой теменной кости с большой силой, кость оказалась проломлена вовнутрь, а затем из области повреждения пошли трещины. Возможно, смерть человека наступила мгновенно, либо же сразу после удара. Предположительно, противник находился сверху при нанесении удара, быть может на коне. Возможно, после первого удара, человек упал, отсюда и костный дефект — вдавление на затылочной кости, а затем, не исключен и второй сильный удар, уже в зону правой височной кости. Кость проломлена вовнутрь и из зоны поражения пошли трещины в сторону затылочной кости. Одним из возможных видов оружия, приведшим к смерти мужчины из Мингечаура, могло выступать копье. В синхронное время на территории Южного Кавказа помимо случая из Азербайджана травм летального характера на черепах не обнаружено. На территории Ближнего Востока и Восточного Средиземноморья в изучаемый период, преобладающей категорией травм были вдавленные компрессионные переломы, затем шли рубленные ранения, а после — «дырчатые» переломы (проникающие ранения). Вдавленным компрессионным переломам были подвержены, мужчины, женщины, в том числе и дети. Рубленные и проникающие ранения фиксируются, в основном, на черепах мужчин, что, и, неудивительно, учитывая, по большей части их «профессиональную» деятельность, в качестве воинов.

Ключевые слова: Азербайджан, Кавказская Албания, археология, погребения, эпоха эллинизма, военное дело, травматические повреждения.

Сведения об авторах: Кириченко Дмитрий Александрович[1], кандидат исторических наук, доцент, Институт археологии и антропологии Национальной Академии наук Азербайджана; Абдуллаев Анар Сардар оглы[2], кандидат медицинских наук, доцент, кафедра патологии, Азербайджанский Медицинский Университет; Кесеменли Афгана Камран кызы[3], кандидат медицинских наук, старший преподаватель, Факультет медицины и медицинских наук, Карабахский университет.

* Статья поступила в номер 12 декабря 2025 г.
Принята к печати 10 января 2026 г.

© Д.А. Кириченко, А.С. Абдуллаев, А.К. Кесеменли, 2026.

Контактная информация: [1]AZ 1143, Азербайджанская Республика, г. Баку, пр-т Г. Джавида, 115, Национальная Академия наук Азербайджана, e-mail: dmakirichenko@mail.ru; [2]AZ 1022, Азербайджанская Республика, г. Баку, ул. А. Бакиханова, 23, Азербайджанский Медицинский Университет, e-mail: anarabdullayev914@gmail.com; [3]AZ 2600, Азербайджанская Республика, г. Ханкенди, ул. Гёзалова, Карабахский университет, e-mail: afqana35@mail.ru.

D.A. Kirichenko, A.S. Abdullayev, A.K. Kesemenli

ON THE CRANIAL TRAUMA IN THE EARLY HELLENISTIC PERIOD (REPUBLIC OF AZERBAIJAN)

The article examines a male skull exhibiting evidence of traumatic injuries of a lethal nature from Azerbaijan. The anthropological material originates from burial No. 104, containing a partially flexed skeleton, which was discovered in square 18 “a” during rescue archaeological excavations in 1946 in the area of the Mingachevir Hydroelectric Power Plant construction. The burial is dated to the IV—II centuries BCE. The examined cranium belonged to a mature male (35—50 years old) and is classified as dolichocranic. It is currently on display in the “Human Anatomy Museum” at the Department of Human Anatomy and Medical Terminology, Azerbaijan Medical University. On the left parietal bone of the skull, there is an oval-shaped bony defect (diameter: 8 mm) with sharp edges, diagnosed as a penetrating injury, a perforating fracture. The overall affected area measures 9 cm. On the right temporal bone, there is an elongated oval defect measuring 6 × 3 cm, also with sharp edges. In this case, the injuries are interpreted as penetrating wounds (perforating fractures). On the occipital bone, there is a subtly depressed defect, which is clearly visible only on radiographs and can likely be diagnosed as a compression fracture. In all three cases, there is no evidence of bone regeneration. Radiographs of the skull, taken in posteroanterior, lateral, and occipital projections, reveal an oval bony defect in the left anterosuperior parietal region, measuring 8—9 mm in diameter. Anterior to the defect lies the coronal suture, while posteriorly a bone fracture extends up to 7 cm. The morphological characteristics of the defect suggest that it was caused by a sharp metallic object. Additional bony defects are observed in the right squamous and occipital regions, measuring 6 × 3 cm and 2.5 × 1.5 cm, respectively. A fracture of the bone extends anteriorly from the right margin of the foramen magnum. It is likely that the first blow was delivered with considerable force to the left parietal region, causing inward penetration of the bone, from which fractures subsequently propagated. The individual may have died instantaneously or shortly after the blow. It is presumed that the assailant was positioned above the victim, possibly on horseback. Following the first strike, the individual may have fallen, resulting in the depressed defect observed on the occipital bone. A second, powerful blow to the right temporal region cannot be excluded. In this case, the bone was driven inward, with fractures radiating from the impact site toward the occipital region. One of the possible types of weapons that may have caused the death of the male individual from Mingachevir could have been a spear. During the same period, no other cases of lethal cranial trauma have been recorded in the territory of the South Caucasus besides the instance from Azerbaijan. In the Near East and the Eastern Mediterranean regions of the studied period, the most common category of cranial injuries were depressed compression fractures, followed by cleaving (chopping) wounds, and then perforating fractures (penetrating injuries). Depressed compression fractures affected men, women, and children alike. Cleaving and penetrating injuries were primarily observed on the skulls of males, which is not surprising given that they were predominantly engaged in “professional” activities as warriors.

Key words: Azerbaijan, Caucasian Albania, archaeology, burials, Hellenistic period, warfare, traumatic injuries.

About the authors: Kirichenko Dmitry Aleksandrovich[1], PhD (Archaeology), Ass. Professor, Institute of archaeology and anthropology, Azerbaijan National Academy of Sciences; Abdullayev Anar Sardar[2], PhD (Medicine), Ass. Professor, Department of Pathology, Azerbaijan Medical University; Kesamanli Afgana Kamran gizi[3], PhD (Medicine), Senior Lecturer, Faculty of Medicine and Health Sciences, Qarabağ University.

Contact information: [1]AZ 1143, Azerbaijan Republic, Baku, H. Javid Avenue 115, Azerbaijan National Academy of Sciences, e-mail: dmakirichenko@mail.ru; [2]AZ 1022, Azerbaijan Republic, Baku, A. Bakikhanov str. 23, Azerbaijan Medical University, e-mail: anarabdullayev914@gmail.com; [3]AZ 2600, Azerbaijan Republic, Khankendi, Gozalov str., Qarabağ University, e-mail: afqana35@mail.ru.

В статье рассмотрен антропологический материал из погребения периода становления Кавказской Албании с территории Азербайджанской Республики.

Во время осмотра краниологической коллекции, представленной в экспозиции «Музея анатомии человека» на кафедре «Анатомия человека и медицинская терминология» Азербайджанского Медицинского Университета (АМУ) нами был исследован череп мужчины (№ 83) с костным дефектом на теменной кости.

Новизной публикации является описание случаев травматических повреждений летального характера, выявленных на черепе мужчины, а также составлена сводная таблица находок мужских краниумов эпохи раннего эллинизма (IV—II вв. до н.э.) с травмами летального характера с территории Ближнего Востока и Восточного Средиземноморья.

Впервые в современной физической антропологии Азербайджана произведено исследование костных останков человека с применением рентгенограммы, с целью изучения и выявления травматических дефектов на краниуме.

Череп был обнаружен в ходе спасательных археологических раскопок в зоне строительства Мингечаурской ГЭС в 1946 г. и происходит из погребения (№ 104) со слабо скорченным костяком.

Погребения со слабо скорченным костяком (рис. 1) исследователями датируются в пределах IV—II вв. до н.э. (Асланов, Ваидов, Ионе 1959: 16) и являются одним из локальных вариантов грунтовых захоронений периода Кавказской Албании, отражающий обычай погребального обряда, возможно определенной этнической группы населения на определенном историческом этапе. Помимо Мингечаура грунтовые захоронения в слабо скорченном положении выявлены в могильниках у с. Нариманкенд (Евлахский р-н) и Гырах Кесамен (Акстафинский р-н) (Гошгарлы 2012: 15).

Слабо скорченные костяки в могилах уложены на левом и правом боку с ориентацией головы на северо-запад. В захоронениях преобладают сосуды серого цвета, встречается лощенная, гравированная и крашенная керамика, но в тоже время сосуды черного и красного цвета крайне редки. Керамические сосуды изготовлены от руки и отличаются многообразием форм и функциональным назначением (Гошгарлы 2012: 14). Обнаруженное при костяках оружие, преимущественно железное, бронза использовалась для украшений. В составе инвентаря встречались сосуды по форме близкие к эллинистическим (зооморфные, вазообразные, узко донные кувшины и т.д.) (Касимова 1960: 13).

Погребение № 104 было обнаружено в квадрате 18 «а». Скелет находился в слабо скорченном положении, на левом боку, лицевым отделом черепа, ориентированным на север-запад.

Инвентарь захоронения, судя по записям в инвентарной книге археологических раскопок полевого сезона 1946 г., состоял из 4 керамических сосудов (красноглинянной глубокой миски, красноглиняной миски, красноглиняного кувшинчика с ручкой отливом, красноглинянного кувшинчика), большого железного меча, железного ножа-серпа, железного ножа, железных браслетов, железного перстня-печатки, бронзового перстня-печатки, бронзового кольца, железного кольца с пятью шариками в виде пятиконечной звезды, бронзовых бусин, кусков материи, бусин из яшмы, амулета из зуба животного с отверстием, железного наконечника копья с втулкой[1].

Возможно, захороненный в погребении № 104 человек являлся воином и погиб в одном из сражений.

К сожалению, в настоящий момент достаточно трудно найти фото или графику не только самого погребения, но также и предметов, находившихся в могиле № 104, так как не сохранилось полевых отчетов о раскопках полевого сезона 1946 г., ведь прошло уже 80 лет с момента их поведения.

[1] Авторы выражают свою благодарность доктору философии по истории, доц. Ф.Х. Халили за набранные и предоставленные нам для использования инвентарную книгу археологических раскопок в зоне Мингечаура полевого сезона 1946 г.

Травматические повреждения были изучены согласно методикам, применяемым в современной судебной медицине (Крюков 1998; Sauer 1998; Çeker 2022) и палеопатологии (Мамонова, 1997; Бужилова 1995; Балабанова, Перерва 2007; Ражев 2013; Балабанова, Перерва 2019; Lovell 1997; Ortner 2003; Knüsel 2005).

В ходе описания травматических повреждений была отмечена их локализация на краниуме, сторона расположения (справа/слева), форма дефекта, размеры и тип, согласно принятой классификации, а также предполагаемый предмет/оружие, нанесения ранения (Кириченко 2025: 394).

Рентгенологическое исследование сухого черепа проводилось на аппарате SG Healthcare, модель Jumong RF в цифровом высококонтрастном режиме, оптимизированном для визуализации костной ткани.

Череп был надежно зафиксирован на рентгеновском столе с использованием неподвижного держателя и вспомогательных поддерживающих элементов, что исключало смещение, наклон или ротацию и обеспечивало симметрию всех проекций. Фиксация включала стабилизацию свода, височных и затылочных областей с использованием мягких подкладок и зажимов, предотвращающих соскальзывание костей при смене проекций.

Съёмка выполнялась в цифровом формате с высоким разрешением, обеспечивающим максимальную детализацию костных структур и возможность точного измерения дефектов и трещин. Для комплексной морфологической оценки применялись следующие проекции:

Аксиальная краниокаудальная проекция (рис. 5: 1) применена в настоящем исследовании как нестандартная рентгенографическая проекция, при которой центральный рентгеновский пучок направлен кранио-каудально, от свода черепа к его основанию. Использование данной проекции обусловлено исследовательскими задачами, связанными с анализом пространственных соотношений костей свода и основания черепа, а также особенностей их наложения при прохождении рентгеновского пучка вдоль продольной оси черепа. В отличие от стандартных клинических проекций, аксиальная краниокаудальная проекция позволяет получить изображение, отражающее геометрию черепа при направлении излучения, противоположном субментовертексной проекции, что расширяет представление о морфологии и рентгеноанатомии изучаемого объекта.

Следует отметить, что данная проекция не относится к числу стандартных клинических рентгенологических проекций и применяется преимущественно в анатомических, остеологических и методических исследованиях, где объектом изучения является череп как костная структура, а не голова живого пациента. В этом контексте использование аксиальной краниокаудальной проекции является методически оправданным и терминологически корректным.

Переднезадняя (рис. 5: 2) — визуализация свода, лобной и верхнечелюстной областей, орбит, носовых костей и основания черепа. Позволяет оценить целостность свода, характер костных дефектов и направление трещин относительно костных швов.

Латеральная (рис. 5: 3—4) — оценка боковых отделов свода, височных и затылочных костей, скуловых дуг, задних отделов орбит; позволяет определить направление трещин и смещение костных элементов.

Задне-передняя (окципитальная) (рис. 5: 5) — анализ заднего отдела свода, большого затылочного отверстия и прилегающих структур; выявление дефектов затылочной кости и протяжённости трещин.

Левая верхне-передняя париетальная — детальная локализация дефектов верхней и передней части свода, измерение их диаметра и направления трещин относительно корональных швов.

Правая сквамозная и окципитальная — оценка правой височной и затылочной областей, выявление дополнительных повреждений, измерение размеров и протяжённости трещин, определение их связи с анатомическими ориентирами.

Субментовертексная проекция (рис. 5: 6) — рентгенографическая проекция, при которой центральный рентгеновский пучок направлен каудо-краниально, от подподбородочной области к вершине черепа. Плоскость основания черепа ориентирована параллельно приёмнику изображения. Проекция предназначена для визуализации основания черепа, скуловых дуг, клиновидной кости, крыловидных отростков, а также взаимного расположения костей лицевого и мозгового отделов черепа. Характеризуется минимальным наложением скуловых дуг и симметричным отображением базальных структур.

Центральный рентгеновский пучок ориентировался перпендикулярно к исследуемой поверхности для каждой проекции, что минимизировало геометрические искажения. Каждая проекция документировалась отдельно, с последующим цифровым измерением костных дефектов и трещин. Измерения включали определение диаметра, длины, формы и направления повреждений, а также их расположение относительно костных швов и анатомических ориентиров, включая свод, основание черепа, параназальные синусы и орбиты. Съёмка проводилась в строгой последовательности: сначала фиксировались свод и передние отделы черепа, затем боковые и задние области, что позволяло получить полное покрытие всех анатомических зон и построить комплексную морфологическую карту черепа. Такой подход обеспечивал воспроизводимость результатов, объективность визуализации, точность измерений и возможность проведения последующего морфологического, палеопатологического и судебно-медицинского анализа (Campo, Petty 1980; Hofman et al. 2000; Love, Wiersema 2016).

Исследованный череп (рис. 2), принадлежал мужчине зрелого возраста (35—50 лет) (Buikstra, Ubelaker 1994), неудовлетворительной сохранности, практически полностью отсутствует лицевая часть, долихокранный, характеризуется большим продольным (188 мм), средним поперечным (139 мм) и средним высотным (136 мм) диаметрами мозговой коробки. Лоб среднеширокий (95 мм).

На левой теменной кости имеется костный дефект (рис. 3) овальной формы (диаметр — 8 мм), края острые, который диагностируется, как проникающее ранение, дырчатый перелом. Общая зона поражения составляет 9 см.

На правой височной кости отмечен дефект (рис. 4) продолговатой овальной формы, 6 × 3 см, края острые. В данном случае мы имеем дело, предположительно, с проникающим ранением (дырчатый перелом).

На затылочной кости слева имеется слегка уловимый вдавленный дефект (его хорошо видно лишь на рентгенограмме), который можно диагностировать, вероятно, как компрессионный перелом. Во всех трех случаях следы регенерации кости не выявлены.

Исследованные в публикации травмы относятся, к так называемым *perimortem trauma* (травмам, произошедшим накануне или в момент смерти) (Sauer 1998; Çeker 2022; Lovell 1997; Ortner 2003) без следов заживления.

Проведенная на кафедре «Анатомии человека и медицинской терминологии» АМУ рентгенографическое исследование показало, что на черепе мужчины из погребения № 104 выявляется частичная деструкция орбит, основания черепа и носовых костей, обусловленная длительным постмортальным воздействием. Свод черепа преимущественно сохранён, черепные швы выражены, расположены симметрично. Параназальные синусы и мастоидные клетки визуализируются нечетко вследствие указанных изменений.

На рентгенограммах черепа (рис. 5), выполненных в переднезадней (рис. 5: 1), латеральной (рис. 5: 3—4) и задне-передней (рис. 5: 5) проекциях, в левой верхне-передней париетальной области определяется костный дефект округлой формы диаметром 8—9 мм. Кпереди от дефекта располагается венечный шов; кзади от него выявляется трещина костной ткани протяжённостью до 7 см. Морфологические особенности дефекта позволяют предположить его образование в результате воздействия острого металлического предмета.

В правой сквамозной и окципитальной областях также выявляются костные дефекты размерами 6 × 3 см и 2,5 × 1,5 см соответственно. От правого края большого затылочного отверстия кпереди распространяется трещина костной ткани.

Попробуем реконструировать картину поединка и представить последние моменты жизни мужчины из Мингечаура.

Вероятно, первый удар был нанесен в зону левой теменной кости с большой силой, кость оказалась проломлена вовнутрь, а затем из области повреждения пошли трещины. Возможно, смерть человека наступила мгновенно, либо же сразу после удара. Предположительно, противник находился сверху при нанесении удара, быть может на коне.

Возможно, после первого удара, человек упал, отсюда и костный дефект — вдавление на затылочной кости, а затем, не исключен и второй сильный удар, уже в зону правой височной кости. Кость проломлена вовнутрь и из зоны поражения пошли трещины в сторону затылочной кости.

Одним из возможных видов оружия, приведшим к смерти мужчины из Мингечаура, могло выступать копье.

Копья являлись одним из основных типов наступательного оружия населения Кавказской Албании. Страбон сообщает, что «Албаны сражались копьями и стрелами…» (Əliyev 2008: 115). Албаны имели специальные отряды, состоящие из копьеносцев (Əliyev 2008: 119).

Железные копья были обнаружены, как в погребениях со слабо скорченными костяками из Мингечаура, так и в синхронных памятниках Азербайджана исследуемого периода.

А.А. Алиев выделяет по форме пять основных групп наконечников копий на территории нашей республики (Əliyev 2008: 119).

В настоящее время, достаточно трудно сказать наконечником копья какой группы было нанесено смертельное ранение.

Если, как мы думаем, травма была нанесена сверху, конным воином, то данный вид соответствует III типу копий (рис. 6), согласно классификации А.А. Алиева (Əliyev 2008).

III группу составляют наконечники с широким пером и полукруглыми боковыми гранями. Их боковые крылья имеют форму серпа и эллипсоидное соединение с втулкой (Əliyev 2008: 120).

Начиная с савроматского времени оружие подобного плана использовалось, предположительно, конными подразделениями. Скифы и греки вооружали ими конных всадников (Əliyev 2008: 45). Копья подобного плана широко использовались также и сарматами (Əliyev 2008: 46).

На территории Южного Кавказа травмы с летальным исходом на черепах эпохи эллинизма пока не обнаружены и нам неизвестны.

В целом, вопросы, связанные с боевым травматизмом на южнокавказских антропологических материалах, относящихся к эллинистическому периоду, еще не совсем хорошо и детально проработаны, так как практически нет находок черепов, где бы его признаки фиксировались.

На территории Евразии в исследуемый период были отмечены многие случаи *perimortem* травм на краниумах, как мужчин, так и женщин, описание которых не входит в задачи нашей публикации, мы ограничились лишь антропологическими материалами с территории Ближнего Востока и Восточного Средиземноморья (рис. 7).

Краниумы с *perimortem* травмами были обнаружены на ряде археологических памятников синхронного времени: Гордион (Selinsky 2015); некрополь г. Клазомены (Güleç et al. 1998); некрополь Бёрюкчю (Sağır et al. 2004); некрополь Йюджейорен (Sevim 2006) в Анатолии; Файлака (Maat et al. 1990) на юге Месопотамии; Херонея (Liston 2020) в материковой Греции.

На черепах были отмечены, как проникающие «дырчатые» переломы, рубленные травмы, так и вдавленные компрессионные переломы (табл. 1).

В частности, в Гордионе, в так называемом «Нижнем Городе» (Lower Town), на черепе (YH 47397) женщины, в возрасте 30—45 лет, из грунтового коллективного ритуального погребения, связанного с жертвоприношением людей, которое относится к периоду господства галатов (III—II в. до н.э.) была отмечена травма — три вдавленных компрессионных перелома без следов заживления (Selinsky 2015: 217—218); на лобной кости

(справа) черепа мужчины, в возрасте 45—50 лет, из грунтового погребения (KLZ'96 142 A) некрополя г. Клазомены имеется вдавленный компрессионный перелом, а на черепе ребенка, в возрасте около 8 лет, из грунтового погребения (KLZ'95-89) на пересечении лобной и чешуйчатой кости присутствует три углубления диаметром 6 мм — вдавленный компрессионный перелом, на правой теменной кости мужчины, в возрасте 40—55 лет отмечен вдавленный компрессионный перелом (Güleç et al. 1998: 149).

На левой теменной кости черепа женщины в возрасте 40—45 лет, из погребения (каменной гробницы) № 2 некрополя Бёрюкчю отмечено травматическое повреждение глубиной 1 см (Sağır et al. 2004: 36, Res. 5-6); на правой теменной кости черепа ребенка (K3/2, 3), в возрасте 2—2,5 г. (Sevim 2006: 272) из коллективной двухкамерной гробницы K 3 с дромосом некрополя Йюджейорен (Akçay et al. 2006) присутствует след от пореза (Sevim 2006: 272), предположительно, рубленная травма.

На теменной и лобной костях (справа) черепа мужчины (№ 86-1649), в возрасте 23-30/40 лет, из одиночного грунтового погребения отмечено два отверстия прямоугольной формы, размерами 8 × 7 мм, без следов заживления. Отверстие аналогичной формы было засвидетельствовано и на черепе мужчины (№ 86-1654), в возрасте 30—40 лет, из парного погребения, также без следов заживления. Возможно, что отверстий было также два, но второе отсутствует, в виду не полной сохранности краниума (Maat et al. 1990: 89).

Захоронения были обнаружены на руинах общественного здания эпохи бронзы на острове Файлака (Maat et al. 1990: 85), датировались, в пределах первой половины II в. до н.э. (Maat et al. 1990: 93) и представляли собой, по всей видимости, погребения военнослужащих, а не гражданских лиц. Это очень хорошо вписывалось в существующий исторический археологический образ острова, представлявшего собой место расположения крепости для армий Селевкидов (Maat et al. 1990: 98).

Обе травмы на черепах мужчин — смертельные, без следов заживления, ранения были нанесены, по всей видимости, сельскохозяйственными железными вилами (Maat et al. 1990: 96—97).

На мужских и женских черепах эллинистического периода (II в. до н.э.) с территории Израиля фиксируются, в основном вдавленные компрессионные переломы (Goldstein, Arensburg, Nathan 1981).

На черепах жертв из массового погребения в цистерне в г. Иерусали отмечены рубленные ранения, а также вдавленные компрессионные переломы. Данное захоронение датируется в пределах конца II — начала I вв. до н.э. (Dittmar et al. 2022).

В ходе исследования костных останков людей (10—12 или 15—18 мужчин, в возрасте 18—40+), погибших в 338 г. до н.э. в битве при Херонее (между македонскими войсками, во главе с царем Филиппом II и его сыном Александром III Великим с одной стороны и греками — Афины, Беотийский союз и другие их союзники), и погребенных под монументом «Лев Херонеи» было отмечено, что люди погибли насильственной смертью, фиксируется большое количество смертельных ранений лица, свода черепа. Их расположение разнообразно. Среди травматических повреждений отмечены рубленные ранения, вдавленные компрессионные переломы и проникающие ранения (Liston 2020).

Наше внимание привлек череп мужчины, у которого на левой теменной кости отмечен дырчатый перелом, размерами 6 × 8 мм. Смертельное ранение было нанесено наконечником копья (Liston 2020: 85, Fig.7: 1).

Угол всех ранений, за исключением одного, указывает на то, что нападавшие находились выше своих жертв или, по крайней мере, тянулись высоко над их головами, прежде чем нанести удар. Удары могли быть нанесены конной кавалерией или солдаты стояли на коленях в момент удара (Liston 2020: 91).

Данное повреждение несколько напоминает первую смертельную травму из Мингечаура, по типу оружия и манере нанесения удара сверху (возможно, с коня), но сам удар был не настолько сильным, как в случае из Азербайджана.

На территории Ближнего Востока и Восточного Средиземноморья в изучаемый период, преобладающей категорией травм были вдавленные компрессионные переломы, затем шли рубленные травмы, а после — «дырчатые» переломы (проникающие ранения).

Вдавленным компрессионным переломам были подвержены мужчины, женщины, в том числе и дети.

Рубленные и проникающие ранения фиксируются, в основном, на черепах мужчин, что, и, неудивительно, учитывая, по большей части их «профессиональную» деятельность, в качестве воинов.

Возможно, новые находки краниумов с *perimortem* травмами смогут пересмотреть наши выводы.

В настоящее время на территории Азербайджана, кроме случая из Мингечаура травм летального характера, относящихся к изучаемому времени не обнаружено.

Литература

Асланов Г.М., Ваидов Р.М., Ионе Г.И. 1959. *Древний Мингечаур*. Баку: АН Азербайджанской ССР.

Балабанова М.А., Перерва Е.В. 2007. Идентификация типов оружия по боевым травмам у сарматов. В: Яблонский Л.Т., Таиров А.Д. (отв. ред.). *Вооружение Сарматов: региональная типология и хронология*. Челябинск: ЮУрГУ, 173—181.

Балабанова М.А., Перерва Е.В. 2019. Травмы как свидетельство вооруженного насилия: (по материалам могильников сарматского времени Нижнего Поволжья и Нижнего Дона). *Stratum plus* 4, 321—342.

Бужилова А.П. 1995. *Древнее население (палеопатологические аспекты исследования)*. Москва: ИА РАН.

Гошгарлы Г.О. 2012. *Типология погребальных памятников античного периода на территории Азербайджана*. Баку: Элм.

Казиев С.М. 1949. Археологические раскопки в Мингечауре. *Материальная культура Азербайджана* I. Баку: АН Азербайджанской ССР, 9—49.

Кириченко Д.А. 2025. О травмах черепа у мужчин в эпоху античности (Азербайджанская Республика). *МАИАСП* 19, 393—407.

Крюков В.Н. 2012. *Судебная медицина*. Москва: Медицина.

Мамонова Н.Н. 1997. Боевые травмы на черепах из могильника Улангом (V—III вв. до н.э.). *РА* 4, 108—121.

Ражев Д.И. 2013. Травмы черепов средневекового населения Западной Сибири: Распространение, структура, интерпретации. *Вестник археологии, антропологии и этнографии* 2 (21), 56—69.

Akçay A., Şenyurt S.Y., Kamış Y. (eds.). 2006. *Yüceören Doğu Likya'da Bir Helenistik Roma Nekropolü / A Hellenistic and Roman Necropolis in Eastern Kilikia*. Ankara: Mert Basın Yayın San. Tic. Ltd. Şti.

Buikstra J.E., Ubelaker D.H. 1994. *Standards for data collection from human skeletal remains: proceedings of a seminar at the Field Museum of Natural History, organized by Jonathan Haas.*. Indianapolis: Western Newspaper Company (Arkansas archaeological research series 44).

Campo J., Petty P.G. 1980. How useful is the skull x-ray examination in trauma? *Medical Journal of Australia* 15;2 (10), 553—555. DOI: 10.5694/j.1326-5377.1980.tb100765.x.

Çeker D. 2022. İnsan iskeletlerinde travma çeşitleri ve özellikleri. In: Çeker D., Sevim Erol A., Plümer Küçük G. *Adli Antropoloji ve Kimliklendirme - Sahada ve Laboratuvarda Popöler Metodlar*. Ankara: Nobel Akademik Yayıncılık, 235—260.

Dittmar et al. 2022: Dittmar J.M., Nagar Y., Arbiv K., Lieberman T., Mitchell P.D. 2022. Violence in Hasmonean Judea: Skeletal evidence of a massacre from 2nd — 1st century BCE Jerusalem. *International Journal of Osteoarchaeology* 32, 731—745. DOI: https://doi.org/10.1002/oa.3084.

Əliyev Ə.Ə. 2008. *Qədim albanların silahları*. Bakı: Nurlan nəşriyyatı.

Goldstein M.S., Arensburg B., Nathan H. 1981. Skeletal remains of Jews from the Hellenistic and. Roman periods in Israel, III: Pathology. *Bulletins et Mémoires de la Société d'anthropologie de Paris*. XIII° Série. T. 8. Fasc. 1, 11—24. DOI: https://doi.org/10.3406/bmsap.1981.3807.

Güleç et al. 1998: Güleç E., Sevim A., Özer İ., Sağır M. 1998. Klazomenai'de Yaşamış. İnsanların Sağlık Sorunları. *XIII. Arkeometri Sonuçları Toplantısı (sayfa 133—160)*, 133—159.

Hofman et al. 2000: Hofman P.A, Nelemans P., Kemerink G.J., Wilmink J.T. 2000. Value of radiological diagnosis of skull fracture in the management of mild head injury: meta-analysis. *Journal of Neurology, Neurosurgery, and Psychiatry* 68 (4), 416—422. DOI: 10.1136/jnnp.68.4.416.

Knüsel C.J. 2005. The physical evidence of warfare- subtle stigmata? In: Parker Pearson M., Thorpe I.J.N. (eds.). *Warfare, Violence, and Slavery: Proceedings of a Prehistoric Society conference at Sheffield University*. Oxford: BAR Publishing, 49—65.

Liston M.A. 2020. Skeletal Evidence for the Impact of Battle on Soldiers and Non-Combatants. In: Brice L.L. (ed.). *New Approaches to Greek and Roman Warfare*. New Jersey: Wiley Blackwell, 81—94.

Love J.C., Wiersema J.M. 2016. Skeletal Trauma: An Anthropological Review. *Academic Forensic Pathology* 6 (3), 463—477. DOI: 10.23907/2016.047.

Lovell N.C. 1997. Trauma analysis in paleopathology. *Yearbook of Physical Anthropology* 40, 139—170.

Maat George J.R., Lonnee Herman A., Noordhuizen Hendrikus J.W. 1990. Analysis of human skeletons from the Hellenistic period, buried at a ruined Bronze age building on Failaka, Kuwait. In: Calvet Y., Gachet J. (eds.). *Failaka, fouilles françaises 1986—1988. Travaux de la Maison de l'Orient 18*. Lyon: Maison de l'Orient et de la Méditerranée Jean Pouilloux, 85—102.

Nagar Y. 2003. Who lived in Israel? A Story of Ancient Populations. Jerusalem: Oranit.

Ortner D.J. 2003. *Identification of Pathological Conditions in Human Skeletal Remains*. San Diego: Academic Press.

Sağır et al. 2004: Sağır M., Özer İ., Satar Z. Güleç E. 2004. Börükçü İskeletlerinin Paleoantropolojik İncelenmesi. *19. Arkeometri Sonuçları Toplantısı*, 27—41.

Sauer N.J. 1997. The Timing of Injuries and Manner of Death: Distinguishing Among Antemortem, Perimortem, and Postmortem Trauma. In: Reichs K. (eds.). *Forensic Osteology Advances in the Identification of Human Remains*. Springfield: Charles C. Thomas, 321—332.

Selinsky P. 2015. Celtic Ritual Activity at Gordion, Turkey: Evidence from Mortuary Contexts and Skeletal Analysis. *International Journal of Osteoarchaeology* 25, 213—225.

Sevim A. 2006. Yüceören İskeletlerinin Paleoantropolojik Açıdan Değerlendirilmesi. In: Akçay A., Şenyurt S.Y., Kamış Y. (eds.). *Yüceören Doğu Likya'da Bir Helenistik Roma Nekropolü / A Hellenistic and Roman Necropolis in Eastern Kilikia*. Ankara: Mert Basın Yayın San. Tic. Ltd. Şti., 243—280.

References

Aslanov, G. M., Vaidov, R. M., Ione, G. I. 1959. *Drevniy Mingechaur (Ancient Mingechaur)*. Baku: AN Azerbaijan SSR (in Russian).

Balabanova, M.A., Pererva, E.V. 2007. In: Yablonskij, L.T., Tairov, A.D. (eds.). *Vooruzhenie Sarmatov: regional'naya tipologiya i khronologiya (The Sarmatians Arming: Regional typology and chronology)*. Chelyabinsk: YuURGU, 173—181 (in Russian).

Balabanova, M.A., Pererva, E.V. 2019. In *Stratum plus* 4, 321—342 (in Russian).

Buzhilova, A.P. 1995. *Drevnee naselenie: paleopatologicheskie aspekty issledovaniia (Ancient Population: Paleopathological Aspects of Study)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences. (in Russian).

Goshgarly, G.O. 2012. *Tipologiya pogrebal'nykh pamyatnikov antichnogo perioda na territorii Azerbajdzhana (Typology of burial monuments of Antique period at the territory of Azerbaijan)*. Baku: Elm (in Russian).

Kaziyev, S.M. 1949. In *Material'naya kul'tura Azerbajdzhana (Material culture of Azerbaijan)* I, Baku: AN Azerbaijan SSR, 9—49 (in Russian).

Kirichenko, D.A. 2025. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 19, 393—407 (in Russian).

Kriukov, V.N. 1990. *Sudebnaia meditsina (Forensic Medicine)*. Moscow: Meditsina (in Russian).

Mamonova, N.N. 1997. In *Rossiyskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* 4, 108—121 (in Russian).

Raev, D.I. 2013. In *Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii* 2 (21), 59—69 (in Russian).

Akçay, A., Şenyurt, S.Y., Kamış, Y. (eds.). 2006. *Yüceören Doğu Likya'da Bir Helenistik Roma Nekropolü / A Hellenistic and Roman Necropolis in Eastern Kilikia*. Ankara: Mert Basın Yayın San. Tic. Ltd. Şti.

Buikstra, J.E., Ubelaker, D.H. 1994. *Standards for data collection from human skeletal remains: proceedings of a seminar at the Field Museum of Natural History, organized by Jonathan Haas.*. Indianapolis: Western Newspaper Company (Arkansas archaeological research series 44).

Campo, J., Petty, P.G. 1980. How useful is the skull x-ray examination in trauma? *Medical Journal of Australia* 15;2 (10), 553—555. DOI: 10.5694/j.1326-5377.1980.tb100765.x.

Çeker, D. 2022. İnsan iskeletlerinde travma çeşitleri ve özellikleri. In: Çeker, D., Sevim Erol, A., Plümer Küçük, G. *Adli Antropoloji ve Kimliklendirme - Sahada ve Laboratuvarda Popöler Metodlar*. Ankara: Nobel Akademik Yayıncılık, 235—260.

Dittmar et al. 2022: Dittmar, J.M., Nagar, Y., Arbiv, K., Lieberman, T., Mitchell, P.D. 2022. Violence in Hasmonean Judea: Skeletal evidence of a massacre from 2nd — 1st century BCE Jerusalem. *International Journal of Osteoarchaeology* 32, 731—745. DOI: https://doi.org/10.1002/oa.3084.

Əliyev, Ə.Ə. 2008. *Qədim albanların silahları*. Bakı: Nurlan nəşriyyatı.

Goldstein, M.S., Arensburg, B., Nathan, H. 1981. Skeletal remains of Jews from the Hellenistic and. Roman periods in Israel, III: Pathology. *Bulletins et Mémoires de la Société d'anthropologie de Paris*. XIII° Série. T. 8. Fasc. 1, 11—24. DOI: https://doi.org/10.3406/bmsap.1981.3807.

Güleç et al. 1998: Güleç, E., Sevim, A., Özer, İ., Sağır, M. 1998. Klazomenai'de Yaşamış. İnsanların Sağlık Sorunları. *XIII. Arkeometri Sonuçları Toplantısı (sayfa 133—160)*, 133—159.

Hofman et al. 2000: Hofman, P.A, Nelemans, P., Kemerink, G.J., Wilmink, J.T. 2000. Value of radiological diagnosis of skull fracture in the management of mild head injury: meta-analysis. *Journal of Neurology, Neurosurgery, and Psychiatry* 68 (4), 416—422. DOI: 10.1136/jnnp.68.4.416.

Knüsel, C.J. 2005. The physical evidence of warfare- subtle stigmata? In: Parker Pearson, M., Thorpe, I.J.N. (eds.). *Warfare, Violence, and Slavery: Proceedings of a Prehistoric Society conference at Sheffield University*. Oxford: BAR Publishing, 49—65.

Liston, M.A. 2020. Skeletal Evidence for the Impact of Battle on Soldiers and Non-Combatants. In: Brice, L.L. (ed.). *New Approaches to Greek and Roman Warfare*. New Jersey: Wiley Blackwell, 81—94.

Love, J.C., Wiersema, J.M. 2016. Skeletal Trauma: An Anthropological Review. *Academic Forensic Pathology* 6 (3), 463—477. DOI: 10.23907/2016.047.

Lovell, N.C. 1997. Trauma analysis in paleopathology. *Yearbook of Physical Anthropology* 40, 139—170.

Maat George, J.R., Lonnee Herman, A., Noordhuizen Hendrikus, J.W. 1990. Analysis of human skeletons from the Hellenistic period, buried at a ruined Bronze age building on Failaka, Kuwait. In: Calvet, Y., Gachet, J. (eds.). *Failaka, fouilles françaises 1986—1988. Travaux de la Maison de l'Orient 18*. Lyon: Maison de l'Orient et de la Méditerranée Jean Pouilloux, 85—102.

Nagar, Y. 2003. Who lived in Israel? A Story of Ancient Populations. Jerusalem: Oranit.

Ortner, D.J. 2003. *Identification of Pathological Conditions in Human Skeletal Remains*. San Diego: Academic Press.

Sağır et al. 2004: Sağır, M., Özer, İ., Satar, Z. Güleç, E. 2004. Börükçü İskeletlerinin Paleoantropolojik İncelenmesi. *19. Arkeometri Sonuçları Toplantısı*, 27—41.

Sauer, N.J. 1997. The Timing of Injuries and Manner of Death: Distinguishing Among Antemortem, Perimortem, and Postmortem Trauma. In: Reichs, K. (eds.). *Forensic Osteology Advances in the Identification of Human Remains*. Springfield: Charles C. Thomas, 321—332.

Selinsky, P. 2015. Celtic Ritual Activity at Gordion, Turkey: Evidence from Mortuary Contexts and Skeletal Analysis. *International Journal of Osteoarchaeology* 25, 213—225.

Sevim, A. 2006. Yüceören İskeletlerinin Paleoantropolojik Açıdan Değerlendirilmesi. In: Akçay, A., Şenyurt, S.Y., Kamış, Y. (eds.). *Yüceören Doğu Likya'da Bir Helenistik Roma Nekropolü / A Hellenistic and Roman Necropolis in Eastern Kilikia*. Ankara: Mert Basın Yayın San. Tic. Ltd. Şti., 243—280.

Табл. 1. **Археологические памятники с *perimortem trauma*. Южный Кавказ, Ближний Восток и Восточное Средиземноморье. Эллинистический период.**

Археологический памятник /Страна/ Датировка	**Погребение, №**	**Пол**	**Область на черепе / сторона**	**Размеры (мм, см)**	**Вид ранения/ травмы**	**Исследователь**
Мингечаур /Азербайджан/ IV—II вв. до н.э.	№ 104	М	Теменная кость/слева; Височная кость/справа; Затылочная кость/слева	Диаметр 8 мм; Высота 6 мм 6 × 3 см 2,5 × 1.5 см	П/ДП П/ДП ВКП	Наст. издание
Гордион /Турция/ III—II в. до н.э.	YH 47397	Ж	Теменная кость/ справа	—	ВКП	Selinsky 2015
Некрополь г. Клазомены /Турция/ IV в. до н.э.	KLZ'96 142 A KLZ'95-89 KLZ'95-99	М РБ М	Лобная кость /справа Лобная и чешуйчатая кость Теменная кость/справа	— Диаметр 6 мм —	ВКП ВКП ВКП	Güleç et al. 1998
Некрополь Бёрюкчю /Турция/ Эллинистический период	№2	Ж	Теменная кость/слева	Глубина 1 см	ВКП	Sağır et al. 2004
Некрополь Йюджейорен /Турция/ Эллинистический период	K 3	РБ	Теменная кость/справа	—	Р	Sevim 2006
Израиль /Эллинистический период (II в. до н.э.)	—	М Ж	—	—	ВКП	Goldstein, Arensburg, Nathan 1981
Иерусалим / Израиль/ конец II — начало I вв. до н.э.	Массовое захоронение в цистерне	М Ж	Теменная кость (справа и слева); Затылочная кость	—	Р; ВКП	Dittmar et al. 2022

Табл. 1. **Археологические памятники с *perimortem trauma*. Южный Кавказ, Ближний Восток и Восточное Средиземноморье. Эллинистический период (продолжение).**

Археологический памятник /Страна/ Датировка	Погребение, №	Пол	Область на черепе / сторона	Размеры (мм, см)	Вид ранения/ травмы	Исследователь
Файлака /Кувейт/ II в. до н.э.	1649	М	Лобная и теменная кость/справа	8 × 7 мм	П/ДП	Maat et al. 1990
	1654	М	—	—	П/ДП	
Херонея /Греция/ IV в. до н.э.	Монумент «Лев Хероней», предполагаемое место захоронения воинов Фиванского Священного Круга	М	Теменная кость/слева;	6 × 8 мм	П/ДП;	Liston 2020
		М	Различное расположение на костях и на лицевой части черепов	—	Р; ВКП	

—: Данные отсутствуют; П: Проникающее; ДП: «Дырчатый перелом»; ВКП: Вдавленный компрессионный перелом; Р: Рубленная; М — Мужчина; Ж — Женщина; РБ — Ребенок.

Рис. 1. Грунтовое погребение со слабо скорченным костяком. Мингечаур (по Казиев 1949: рис. 23).

Fig. 1. The soil burial with a partially flexed skeleton. Mingachevir (after Kaziyev 1949: Fig. 23).

Рис. 2. Мужской череп с травматическим дефектом из погребения №104. Мингечаур (фото Д.А. Кириченко).

Fig. 2. Male skull with traumatic defect from burial 104. Mingachevir (Photo by D.A. Kirichenko).

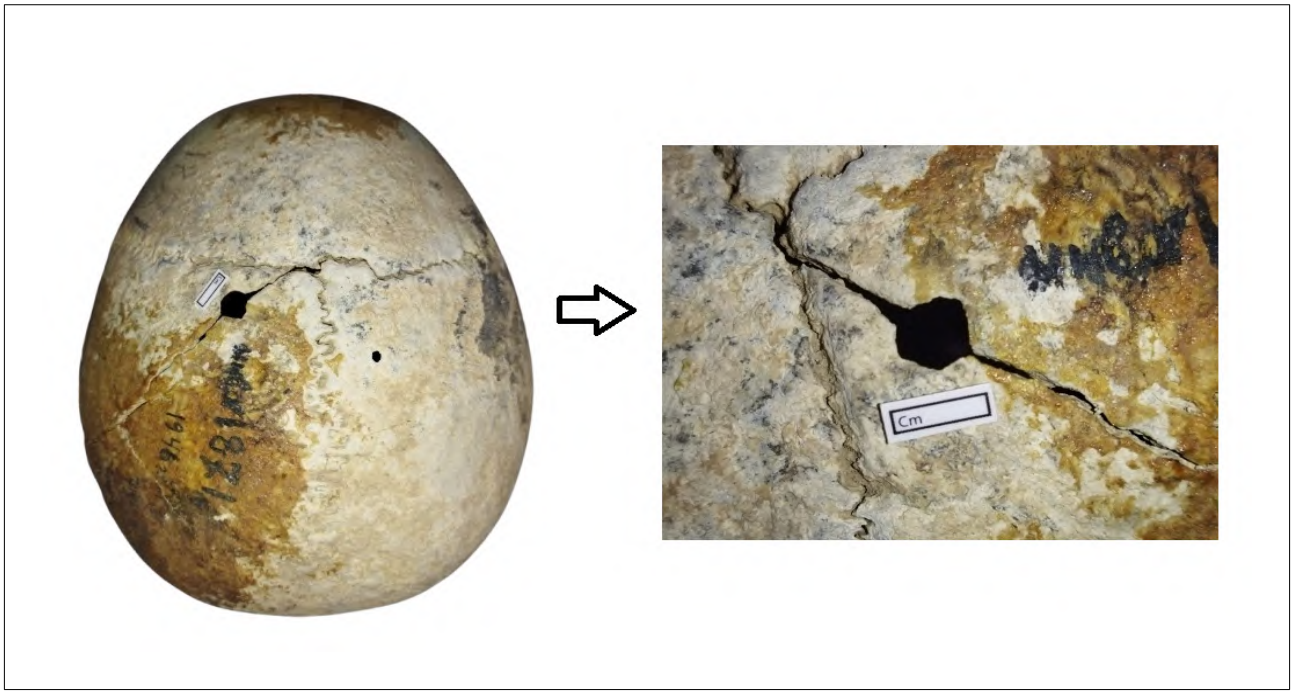

Рис. 3. Травматическое повреждение (фото Д.А. Кириченко).

Fig. 3. Traumatic injury (Photo by D.A. Kirichenko).

Рис. 4. Травматическое повреждение (фото Д.А. Кириченко).

Fig. 4. Traumatic injury (Photo by D.A. Kirichenko).

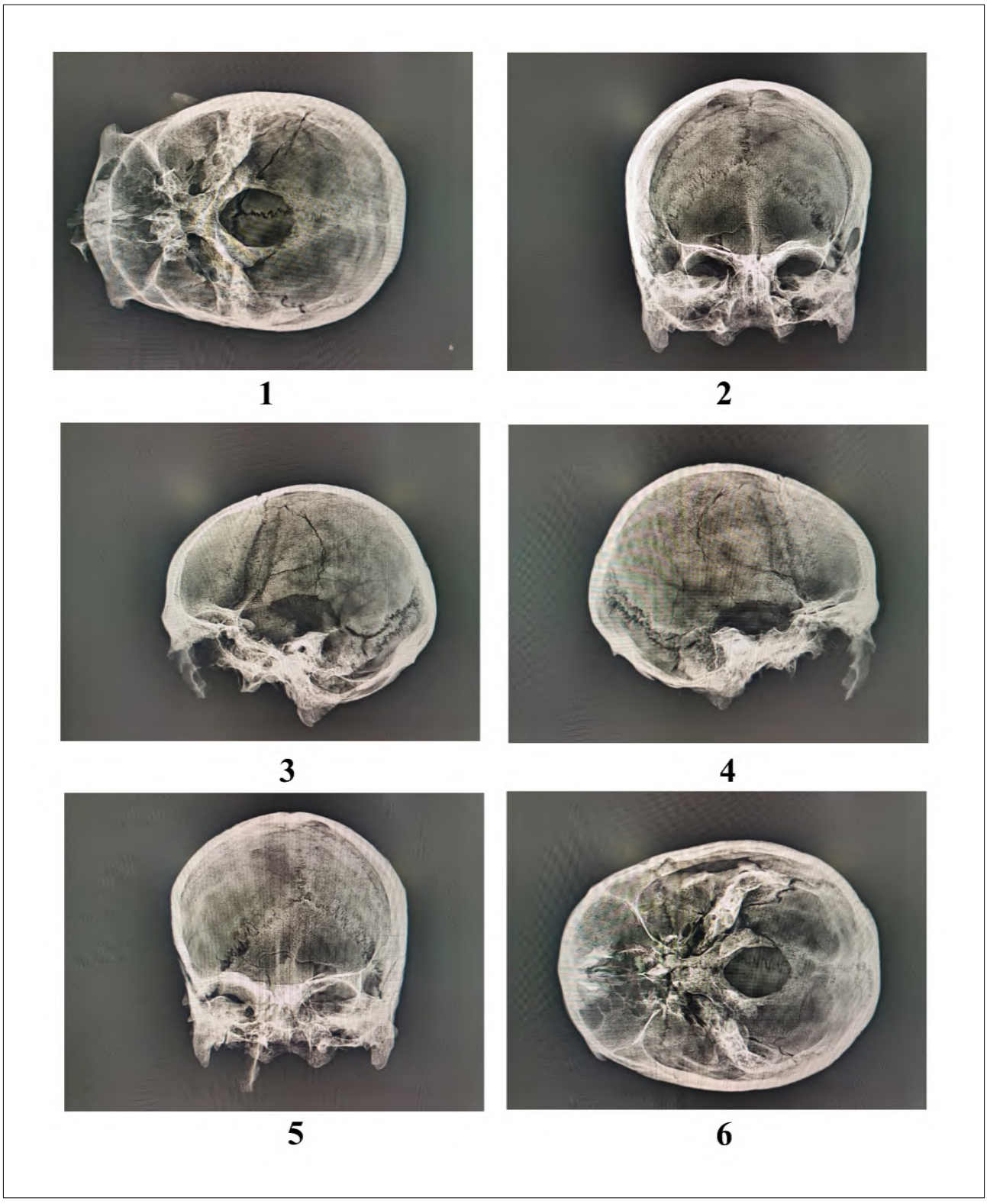

Рис. 5. Рентгенограмма черепа. *1* — Аксиальная краниокаудальная проекция; *2* — Передне-задняя проекция; *3* — Левая латеральная проекция; *4* — Правая латеральная проекция; *5* — Задне-передняя проекция; *6* — Субментовертекс проекция (по А.С. Абдуллаев, А.К. Кесеменли).

Fig. 5. X-ray of the skull. *1* — Axial craniocaudal projection; *2* — Anteroposterior (AP) projection; *3* — Left lateral projection; *4* — Right lateral projection; *5* — Posteroanterior (PA) projection; *6* — Submentovertex (SMV) projection (by A.S. Abdullayev, A.K. Kesemenli).

Рис. 6. Графический рисунок наконечника копья III типа (по Əliyev 2008: Tablo 2: 4).

Fig. 6. Graphical picture of spear head of III type (after Əliyev 2008: Tablo 2: 4).

Рис. 7. Месторасположение археологических памятников. *1* — Херонея; *2* — Некрополь г. Клазомены; *3* — Некрополь Бёрюкчю ; *4* — Гордион; 5 — Некрополь Йюджейорен; 6 — Иерусалим; *7* — Мингечаур; *8* — Файлака (карта составлена Д.А. Кириченко).

Fig. 7. Localization of archaeological sites. *1* — Chaeronea; *2* — Klazomenai city necropolis; *3* — Börükçü necropolis; *4* — Gordion; 5 — Yüceören necropolis; 6 — Jerusalem; *7* — Mingachevir; *8* — Failaka (a map completed by D.A. Kirichenko).